

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-161-169

© Е. Р. Обатнина

А. М. РЕМИЗОВ В БОРЬБЕ ЗА «СОН»: МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

А. М. Ремизову принадлежит существенный вклад в жанровую парадигму прозы первой половины XX века и единственный в своем роде опыт формотворчества в сфере нарратологии и литературного быта. Особая роль в его новациях отведена феномену сна. Легитимация дискурса бессознательного в форме самостоятельного жанра стала прерогативой писателя, за которым в истории русской литературы прочно закрепился статус непревзойденного практика и теоретика художественной гипнологии своего времени.¹ Начиная с 1903 года в ежедневных письмах к невесте С. П. Довгелло сформировалась многолетняя привычка записывать свои сновидения.² С катастрофическим ухудшением зрения в конце 1940-х годов вербальные фиксации заменились графическими зарисовками, составившими многосерийные тетради, которые являются как фактом творческого бытия, так и уникальным способом отражения жизни авторского «я» вне декартовой системы координат.³ История неустанной культивации феномена сновидений, осуществлявшаяся на протяжении всей жизни, подтверждает значительность для творческой личности Ремизова литературной формы, фиксирующей абсурдистскую поэтику бесконтрольного творчества. Пафос его «борьбы» за жанр состоял в утверждении сновидений как экзистенциального пространства, в корне противоположного социальному, с его этическими нормами и законами общежития. Сны, наполненные образами повседневности, воспринимались им как неопровержимые свидетельства «другой жизни» «я» и обнаруживали один из способов самоидентификации в пространстве и времени.⁴

Ремизовская практика описания «изнанки» индивидуальной экзистенции имела свою эволюцию и разные уровни применения. Дискурс бессознательного встречал неоднозначную реакцию критики.⁵ Со времени дебюта в печати миниатюр из цикла «Под кровом ночи: Сны» (1908)⁶ писателю потребовались известная принципиальность и упорство для продолжения публикации собственных «снов», которые впоследствии составили неотъемлемую часть его литературного кредо.

На первых порах сам способ художественной адаптации «снов» еще был подчинен этическим законам социума: писатель, пересказывая свои «ночные приключения»⁷

¹ Подробнее см.: *Цивьян Т. В.* О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России: Избр. страницы. М., 1993. С. 299–311.

² Ср.: «Вчера долго не мог заснуть, все думал о сюжетах. Записывайте свои сны, „страшного“, страшного побольше. Наша повседневная жизнь с тысячами крохотных жгущих впечатлений затирает главное. Нужно высвободиться из-под налетающей пыли: и! тогда такие песни услышим. Тогда и жизнь сама явится в ином лике» (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 345. Л. 8).

³ Собрание тетрадей 1933–1937 годов под названием «Именинный графический полупрЯник. Тырло. 550 снов» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 46), а также тетради 1939–1940 годов, объединенные общим названием «Мой графический дневник» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 48, 49).

⁴ См. рассмотрение философских понятий в статье: *Чередниченко И. П.* Экзистенциальный опыт реального существования // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. 151–141. Ср. письмо Ремизова жене от 26 июня 1926 года: «Думал о моем отвращении к „естественным законам“ или не так: о возмущении. Против: „нормально“. И главное — это такой круг, из которого не выйдешь: родился, значит, проходи — пей и ешь и болезни. Это ужасно! Против сна ничего не имею: потому что снится. И только через сон человек проникает на тот свет — это единственная дверка» («На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926 / Комм. Е. Р. Обатниной; подг. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 17. С. 78).

⁵ Подробнее см. в комментариях к тому: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 586–590.

⁶ *Ремизов А.* Под кровом ночи: Сны // Золотое руно. 1908. № 5. С. 31–37.

⁷ Ср. название цикла «снов»: «Бедовая доля: Ночные приключения» // Русская мысль. 1909. Кн. 5. Отд. 1. С. 9–23.

с участием действующих лиц, ограничивался лишь заглавными буквами фамилий известных персон, оказавшихся в поле его подсознания (ср. начало сна о М. Кузмице: «Ко мне пришел К., мой знакомый музыкант и сочинитель...»⁸). В эмиграции Ремизов коренным образом преобразовал концепцию литературного «я» и окончательно пренебрег условностями, отделяющими литературу и жизнь.⁹ В результате пересмотра ценностей он принялся свободно оперировать именами современников на страницах своих произведений, создавая искусно выверенный баланс между реальностью, художественным вымыслом и фиксацией сновидений. Показательно, что выбор имен для героев подлинных снов имел спонтанный характер.¹⁰ Подобная «документальность» стала нормой автобиографической прозы писателя и получила широкий спектр жанрового применения — от бытового рассказа до романа «Взвихренная Русь» (1927), где сны Ремизова выполняли функцию конструктивного элемента повествования.

Жанр «сна» как продукт творческого сознания писателя обратился в настоящий камень преткновения в 1925–1926 годах, когда на защиту литературной этики поднялись практически все редакторы парижской периодической печати, объявившие ремизовскому сновиденному «документализму» едва ли не бойкот. Переписка с редакторами подтверждает, что иногда ему приходилось идти на вынужденные уступки требованию «не переходить на личности». Тем не менее в истории рецепции ремизовского творчества имел место сюжет, обнаруживающий твердую позицию писателя, который, отстаивая свой жанр, защищал автобиографический принцип художественности и сны как неотъемлемый элемент этой системы. Обращая внимание на связь между жанром «сна» и биографией, приведем одно из высказываний Ремизова, которое впервые появилось в печати в 1926 году и отчасти выражало сформировавшуюся в это время концепцию: «Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а „приключения“ — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще».¹¹

В литературном цеху эмиграции подобную философию были бы и готовы принять, но с одной оговоркой — без реальных имен. О том, что современники по-разному реагировали на его «бессознательное» творчество, писатель хорошо знал. Одному из мемуаристов запомнился случай ульгимативного заявления в связи с тем, что у Ремизова «выработалась неприятная, на границе с шантажом, практика: видеть разных важных персон — во сне!». Автор этих воспоминаний утверждал, что В. Ф. Ходасевич «даже раз был вынужден написать Ремизову: „Отныне я вам запрещаю видеть меня во сне!“ — и это, кажется, помогло».¹² Не лишено рационального зерна другое мемуарное свидетельство этого же «апокрифа», благодаря которому современница вскрыла один из основных мотивов ремизовского употребления подлинных имен. Вспоминая о факте публикаций «снов» в печати, она указала на целеполагание творческой стратегии писателя: «Так, кто-то из „известных“, сказав ему строго: „И помните, чтобы я не появлялся в смешном виде в ваших снах!“, — никогда в них действительно не появлялся, чем, впрочем, и не вошел для потомства в *ремизовский эпос*».¹³

⁸ Ремизов А. Под кровом ночи: Сны. С. 36 (без названия, под номером 21). См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7. С. 449 (под названием «Сфинкс»).

⁹ Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008. С. 27–45.

¹⁰ См., в частности, прецеденты и характер использования имен в автобиографической прозе и снах: Обатнина Е. Р. Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.

¹¹ Впервые фрагмент вошел в текст рецензии на издание «Восточного сонника»: Ремизов А. М. <Рец. на:> *Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis*. Postdam: Muller Verlag, 1925 // Воля России. 1926. № 8/9. С. 232–233; см. также: Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2018. Т. 14. Звезда надзвездная. С. 241–243 (под названием «Сонник»).

¹² Яновский В. С. Поля елисейские: книга памяти / Под ред. Л. М. Суриса. М.; Берлин, 2016. С. 244. Письмо Ходасевича, несомненно, могло бы украсить коллекцию писем Ремизова, однако до сих пор не выявлено.

¹³ Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 128. Курсив мой. — Е. О.

Сталкиваясь с раздражением не только героев его сновидения, но и критиков, Ремизов занялся углубленным изучением вопроса о функции сна в произведениях русской литературы. В поисках обоснования жанра ему помог последний секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков, письмо которого сохранилось среди корреспонденции писателя за 1925 год. Их знакомство состоялось летом 1924-го, когда Ремизов побывал в Праге. Именно в это время для писателя идея взаимосвязи ночной и дневной реальностей приобрела особую актуальность в процессе работы над повестью «По карнизам» (1929). В Булгакове он нашел авторитетного консультанта, охотно откликнувшегося на предложенную ему тему воспоминаний о классике:

«Zbraslav, 19 февраля 1925.

Дорогой Алексей Михайлович,

Рад ответить на Ваше письмо и помочь чем могу, но боюсь, обману Ваши ожидания и сообщу не многое: я просто не все помню из Толстого, а сочинений его, даже отдельных книжек, у меня совсем нет — я все оставил в России.

Кстати, не посетуйте, что я так долго не отвечал на Ваше письмо. Меня дома не было. С 4-го по 18-е число я разъезжал по Австрии с немецкой лекцией о Толстом (личные воспоминания). И только вчера прочел я Ваше письмо.

— Скажу, прежде всего, что Толстой определенно интересовался снами или, вернее, *явлением сна*. „Сны — это удивительное явление“, — говаривал он. Он часто повторял изречение Паскаля о том, что если бы сны шли в последовательности, то мы не знали бы, что сон, что — действительность. И он находил, что это изречение совершенно верно.

Кроме того, Л. Н. находил, что часто во сне удивительно верно отражаются характеры людей, которые нам снятся. Приводил он, бывало, по этому поводу и примеры снов, которые ему снились.

Вообще, Л. Н. очень часто рассказывал свои сны. А т<ак> к<ак> изустные рассказы его тоже были часто не чем иным, как художественными произведениями (он говорил, что он пишет *хуже*, чем он говорит, и говорит *хуже*, чем думает), — то я думаю, что Вам надо исследовать и эту сторону толстовского творчества — в снах.

Из отдельных крупных произведений Толстого, где приводятся сны. Я вспомню следующие.

1) „Исповедь“. Там — чудный сон, которым кончается все произведение и который выразил для Толстого „в снятом образе все то, что он пережил и описал“. Собственно „Исповедь“ помечена 1879 г<одом>, относящийся к ней сон 1882 г<одом>. Все это Вы, конечно, найдете в издании „Слова“. 2) Чудный рассказ „Молитва“, половина которого — описание сна матери о судьбе ее дитяти. Это особенно важно! 3) В посмерт<ных> художеств<енных> произведениях Т<олстого> (изд<ание> А. Л. Толстой, есть и масса др<угих> изд<аний>) Вы найдете произведение, в кот<ором> ни слова не говорится о снах, но кот<орое> называется „*Что я видел во сне*“. Я думаю, что для Вас должно быть интересно и это произведение. 4) У Толстого есть *пьеса*, можно сказать вся построенная *на снах*. Я боюсь, что она Вам не известна. Она не вошла ни в одно собр<ание> соч<инений> Толстого и была однажды полностью опубликована Чертковым в „Русском слове“ (сытинской газете) и даже сыграна неск<олько> раз в москов<ском> драмат<ическом> театре Незлобина. Достать ее теперь — великая задача! Пьеса называется „Петр Хлебник“. Сюжет известный, старый: раскаяние богача и великого грешника, увидевшего во сне картину Страшного Суда. 5) Последний год жизни, при мне, Толстой написал в высшей степени интересные очерки, под названием „Три дня в деревне“. Три очерка, с отдельными подзаголовками. А ко всем этим очеркам он написал заключение, в форме и под названием *Сна*. — И я опять не знаю, где могли бы <мы> с Вами доставить сейчас эту вещь. Она даже в издании Ал<ександры> Л<ьвов>ны не была напечатана. Только Россия — мать наша могла бы нам помочь. Надо было бы растормозить „толстовские“ круги.

Если мое начальство по Обезвельволпалу будет настаивать, я вынужден буду за это приняться.

К сожалению, больше ничего не вспоминаю из больших произведений, хотя и убежден в душе, что это — вовсе не весь материал о снах, что я сообщаю. Надо попросить кого-нибудь обыскать большие романы, повести, рассказы, притчи Толстого. Память нам может изменить. Там непременно что-нибудь найдется.

Я удивляюсь, Алексей Михайлович, что в издании „Слова“ нет „Двух старцев“ и „Трех стариков“. В томе с народными рассказами, в любом Собрании сочинений, эти рассказы должны быть непременно. У меня их нет. Но я не сомневаюсь, что Вы их найдете в Париже, может быть в библиотеках.

Я не сказал еще о материалах исследования изустного творчества Толстого, о снах. Тут на первом месте должен стоять дневник. 2 тома были изданы — Чертковым и Александрой Львовной. Если не ошибаюсь, Ладыжников в Берлине переиздал их. Или торговал и торгует ими. Может быть, можно было бы выписать у него? В дневник Толстой, наверное, заносил свои некоторые сны.

Сны Толстого записывали часто всякие мемуаристы. Найдется ли у Вас мужество перелистать с этой целью дневники <Д. П.> Маковецкого, <П. П.> Гусева, <А. Б.> Гольденвейзера, <С. Н.> Булгакова? К величайшему сожалению, всё это книги, которые тоже очень трудно доставать. Маковецкий вышел в Москве, у „Задруги“. Булгаков там же. Гусев очень давно в Москве у „Посредника“. Только Гольденвейзер вышел, хотя и в Москве, но недавно, и я знаю, что продается за границей.

Мой яснополянский дневник имеется у меня, действительно, только в одном, испещренном поправками, экземпляре, который я берегу, как зеницу ока, на случай повторения издания за границей. И опять-таки, если начальство потребует, то я сделаю все возможное, но, кажется, мне легче будет выслать все о снах, чем посылать книгу в Париж.

Вот и все, дорогой Алексей Михайлович, что я мог сообщить Вам.

Не обессудьте, если мало. Чем богат, тем и рад.

Шлю Вам сердечный искренний привет!

Уважаемой Серафиме Павловне — искренняя благодарность за память и душевное уважение и привет!

Ваш Валентин Булгаков

Мой обновленный адрес:

Zbroslow u Prahy, Žabovřesky, u pani Vykusové.¹⁴

Это обстоятельное письмо чрезвычайно воодушевило Ремизова, и вскоре был подготовлен к печати цикл под откровенным заголовком «Мои сны», в котором каждая миниатюра называлась по имени героя: 1. Брюсов, 2. Бальмонт, 3. Кузмин, 4. Философов, 5. Лев Шестов, 6. Мережковский, 7. Щеголев, 8. Алексей Толстой, 9. Вячеслав Иванов, 10. Сологуб, 11. Савинков, 12. Рерих, 13. З. А. Венгерова, 14. Jean Rougny.¹⁵

Для примера напомним одну из миниатюр, которая в писательской среде могла быть принята за рискованную эскападу: «Иду к З. А. Венгеровой зубы лечить. А у нее сидит Вяч. Шишков. Поздоровался я с Шишковым, и наши руки так плотно сжались, едва З. А. разняла их, и то клещами, что зубы рвут.

— Как бы вы не заразились, — сказала она, — клещи отравлены нафталином».¹⁶

¹⁴ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Ser. 2. В. 3. Ф. 15 (далее: Amherst, с указанием шифра). Курсивом воспроизводятся слова, подчеркнутые Булгаковым.

¹⁵ Публикация снов была распределена между двумя изданиями: *Ремизов А. М.* 1) Мои сны // Звено. 1925. 26 окт. № 143. С. 3; 2) Мои сны: Литературные // Слово. 1925. 11 нояб. № 1. С. 3.

¹⁶ Цит. по: *Ремизов А. М.* Сторона небывалая / Сост. И. Попов, Н. Попова; вступ. статья, комм. И. Попова. М., 2004. С. 104. Подтексты сна заслуживают отдельного рассмотрения. К на-

Подобного рода тексты были предложены в редакцию газеты «Звено». Писатель даже подготовился к критике и предварил свои миниатюры авторским вступлением, опережающим негативную реакцию. Он как будто заблаговременно выстраивал «линию защиты», однако его самые мрачные ожидания не заставили себя ждать. Неслучайно возвращенную из редакции наборную рукопись своей преамбулы Ремизов сохранил в специальном альбоме «Зарубежная цензура»¹⁷ в качестве красноречивого факта, свидетельствующего о критическом отношении в парижских редакциях к его творческому эксперименту. Самый вид этого автографа, с вырезанными бритвой фрагментами, представляет собой результат драматических последствий, вынудивших писателя подчиниться редакционной правке, купировав вычеркнутые слова и предложения. Сверху этого многострадального документа осталась карандашная резолюция исполнявшего обязанности редактора литературного отдела газеты «Звено» М. Л. Кантора: «Зачеркнутого карандашом не набирать. Оригинал прошу вернуть мне. МК».¹⁸

Частично реконструируем текст рукописной преамбулы, в основном состоявший из прямого цитирования приведенного нами выше письма Булгакова. Поскольку Кантор посягнул на «лишние» предлоги и вводные слова эпистолярного источника, в квадратных скобках мы, во-первых, восстановим эти утраты, а во-вторых, отметим многоточием безвозвратно уничтоженные, по крайней мере три авторские строки, на места расположения которых в автографе наглядно указывают зияющие пустоты фрагментов бумаги:

«Послушай-те! Это вовсе не такая ерунда, как сразу вам покажется.

[...]

Вот — я получил письмо от Вал. Ф. Булгакова — ответ на мой вопрос, как Л. Н. Толстой относился к снам? А спросил я его о Толстом потому, что, на мой взгляд, ни один из русских писателей не передавал так ярко сна, именно сна, не видения (на это Достоевский), как Толстой, и ни для кого сон не имел такого важного значения для построения самого повествования — рассказа, как для Толстого («Анна Каренина», «Два старца», «Где любовь, там и Бог», «Много ль человеку земли нужно» и т. д.).

„Скажу, прежде всего, что Толстой определенно интересовался снами или, вернее, явлением сна. «Сны — это удивительное явление!» — говаривал он. Он часто повторял изречение Паскаля: [о том что]: «если бы сны шли в последовательности, то мы не знали бы, что — сон, что — действительность». [...] [Кроме того, Л. Н. находил, что] часто во сне удивительно верно отражаются характеры людей, которые нам снятся“».¹⁹

Как видим, цитаты из письма Булгакова были использованы в этом «воззвании» Ремизова, адресованном его оппонентам, в качестве неоспоримого аргумента в защиту жанра «снов» и законного элемента личного творческого пространства. Подвергшееся принудительному редактированию вступление и восемь снов писателя появились в «Звене» 26 октября (№ 143). Почти сразу Ремизов уж было приготовился к продолжению публикации, но неожиданно для себя получил отказ. Об этом редакционном решении свидетельствует недатированная записка сотрудника «Звена» К. Мочульского, сочувствующего ремизовским новациям. Молодой друг писателя сообщал, упоминая главного редактора «Звена» Максима Моисеевича Винавера:

стоящему времени сложилась значительная библиография научных работ, посвященных отдельным сновидческим текстам Ремизова, см. в частности: *Обатнина Е. Р.* Ремизов: Личность и творческие практики писателя. С. 177–182.

¹⁷ См. также об альбоме: *Обатнина Е. Р.* Избранные страницы из альбома А. М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика. С. 208–217.

¹⁸ Amherst. Ser. 2. B. 16. F. 29. Курсивом выделены подчеркивания рукой Кантора.

¹⁹ Ibid.

«Дорогой Алексей Михайлович,

Несмотря на все мои старанья *Винавер продолжения снов печатать не соглашается*. У него какие-то резонные соображения. Рукопись пришлют <...>».²⁰

В своем стремлении опубликовать вторую часть «снов» Ремизов не унимался и попробовал договориться о публикации в газете «Дни», недавно передислоцировавшейся из Берлина в Париж. По-видимому, желая объяснить смысл своего отношения к абсурдистской эстетике сновидений, он даже повторил свой «зачин», уже напечатанный в «Звене». Шаг был, несомненно, ошибочным. Именно это обстоятельство и послужило основанием, которым воспользовался М. А. Алданов как редактор воскресного приложения, чтобы корректно отклонить предложение писателя:

«29. X. <19>25

Дорогой Алексей Михайлович.

Простите, что не ответил Вам раньше: как Вы знаете, редакция литературного отдела теперь коллективная — я должен был ждать ее решения. Решено было в общей форме, *что очерки, начало которых (или нечто вроде начала) уже появилось в другой газете, в „Днях“ не могут печататься*. Поэтому редакция вынуждена отказаться от Ваших „Снов“.

Шлю Вам привет и остаюсь преданный Вам и уважающий

М. Алданов».²¹

Парижские газеты отказались от второй серии «снов», очевидно, из-за употребления имен реальных лиц. Прямо противоположное отношение к этой этической проблеме продемонстрировала редакция только что созданной в Риге русской газеты «Слово». Уже 11 ноября в первом номере были напечатаны и вступительное «воззвание» (с небольшим сокращением), и шесть «отклоненных» парижанами миниатюр под общим заголовком «Литературные сны» (Вячеслав Иванов. Сологуб. Савинков. Рерих. З. А. Венгерова. Jean Rognu).²²

Но и на этом история борьбы Ремизова за литературную жизнь реальных сновидений не закончилась. Насколько остро встала проблема регламентации личных творческих устремлений Ремизова, показывает еще одно письмо Алданова, подтверждающее, что дискуссия об этике продолжилась весной 1926 года. В это время вокруг писателя создалась неблагоприятная обстановка в связи с публикацией первых глав его повести «По карнизам», вызвавшей критические высказывания по поводу наводивших ремизовские произведения реалий его личной жизни, абсурдистских снов и имен известных предстателей эмиграции.²³ В конце апреля Ремизов, добываясь реванша, предложил в газету «Дни», отклонившую вторую часть цикла «Мои сны», некий текст, о существовании которого и, отчасти, о его содержании мы узнаем из письма редактора воскресного приложения. И опять Ремизова поджидает фиаско. Если ранее Алданов сумел дезавуировать истинные причины своего отказа публиковать миниатюры Ремизова, то, познакомившись с его новым печатным выступлением, вынужден был объясняться более конкретно:

²⁰ Ibid. (альбом «Зарубежная цензура»); письмо написано не ранее 26 октября 1925 года. Курсивом здесь выделено подчеркивание красными чернилами рукой Ремизова.

²¹ Ibid. Курсивом также выделено подчеркивание красными чернилами рукой Ремизова.

²² Ср. письмо Ремизова Шестову от 4 декабря 1925 года: «Посылаю для развлечения продолжение „снов“. Здесь отказались печатать, пришлось в Риге — там для № 1 новой газеты приняли. Сны эти, как в „Звене“ которые, еще в Петербурге снились» (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 173).

²³ В частности, см.: *Кульман Н.* Зачем молодиться? <Рец. на:> («Современные записки», кн. 27-ая и 28-ая) // Возрождение. 1926. 14 окт. С. 3.

«Вторник <конец апреля>

Дорогой Алексей Михайлович,

Вас благодарим, что не забываете „Дней“, — статью Вашу хотим напечатать в „Пасхальном“ номере,²⁴ но просим Вас разрешить выпустить собственные имена (Познер, Фондаминский, Мережковский): Вы знаете, что и пресса отнеслась неодобрительно к упоминанию собственных имен в таком „контексте“, и некоторые из этих частных лиц оказались недовольны. Так как у нас об этом писал член редакции „Дней“ — Самсонов (большой Ваш почитатель), то нам уж никак нельзя напечатать статью без соответствующих пропусков.²⁵ Очень Вас просим согласиться. Если от Вас до завтрашнего дня (часов до 5) не будет запрета выпустить фамилии названных лиц, то я статью отдам в типографию. Позвоните по телефону в редакцию. Шлю Вам и супруге Вашей самый сердечный поклон

Преданный Вам,

М. Алданов». ²⁶

Для того, чтобы понять, о какой «подцензурной» публикации шла речь в приведенном письме, нам придется обратиться к историко-литературному контексту весны 1926 года, факты из которого позволяют предположить, каков был ход действий «опального» писателя. Очевидно, не найдя понимания, Ремизов прибегнул к крайним формам борьбы с «цензурой», используя приемы сатирического эпатажа. Очередной отказ побудил его к провокационному поступку на страницах образованного тогда же сатирического журнала «Ухват», где писателю был предоставлен полный *carte blanche*. В разделе «Литературные новости» во втором номере журнала, выпущенном 1 мая, появилось анонимное «объявление», причастность к которому известного «сновидца» едва ли вызывала чье-либо сомнение: «А. М. Ремизов ищет новых знакомых, так как обо всех старых уже не раз упоминал и во сне их больше не видит» (с. 9). Здесь же была напечатана другая заметка, уже в форме авторизованной «реплики», написанная как будто в продолжение уже известного нам воззвания «Послушай-те!...», в которой проявился откровенный бунт против косности и псевдоэтики эмигрантской печати:

«Книжникам — и — фарисеям

Гонение на употребление знакомых мне совершенно непонятно. Вы только подумайте! Д. С. Мережковский с начала революции (вот уже десять лет на носу!) Тутанкамоном упражняется;²⁷ М. А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких Зубовых и в ус не дует, — и ничего, пропускают! А мне — нельзя помянуть С. В. Познера! А чем виноват Познер, что он не „фараон“ и не „граф“ и никакая придворная птица?

Алексей Ремизов». ²⁸

Судя по письму Алданова, просившего изъять имена Фондаминского, Мережковского и Познера, «второе ремизовское послание» «Книжникам — и — фарисеям» является нашим искомым текстом, отвергнутым редакцией «Дней». Со времени отказа в «Днях» «пасхальная» шутка претерпела добровольную авторскую редактуру «подцензурных» имен, в результате которой один из руководителей журнала «Современные записки» И. И. Фондаминский был заменен на другого, более критически настроенного оппонента — Марка Александровича Алданова.

²⁴ Пасха 1926 года пришлась на 2 мая.

²⁵ Речь идет о рецензии, посвященной рассказу Ремизова «La Matière» (Самсонов М. [Соловейчик С. М.]. Записки читателя («Современные записки», книга 27-я) // Дни. 1926. 11 апр. С. 3).

²⁶ Amherst. Ser. 2. В. 16. F. 29 (альбом «Зарубежная цензура»).

²⁷ Речь идет о романе Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (1924).

²⁸ Ухват. 1926. № 2. С. 11.

Сдается, что ультиматум редакции газеты «Дни», ограниченный временным порогом «часов до 5», Ремизов даже не думал исполнить, переведя в сатирический регистр свое отношение к «гонителям» его автобиографической прозы. Публикация этой заметки — акт волеизъявления писателя, пожелавшего предать огласке скрытую в частной переписке проблему признания его права на авторский жанр и собственное моделирование личного художественного пространства. В альбоме «Зарубежная цензура» Ремизов собственную деятельность по преодолению тупиковой, в сущности, ситуации документально не представил. Однако «воззвание» «Книжникам — и — фарисеям» осталось для него важным фактом творческой биографии и впоследствии было включено в книгу «Мерлог», составленную из выступлений в печати, определявших модус его литературного поведения.²⁹

Как показывает ремизовская корреспонденция, его «заявление» в «Ухвате» получило резонанс в литературных кругах, хотя сам по себе протест не вызвал сочувствия даже среди доброжелательных наблюдателей.

Отношение к выходке Ремизова на страницах сатирического журнала находим в письме сотрудника газет «Дни» и «Последние новости» Михаила Осоргина. 6 августа 1926 года он делился своим глубоким впечатлением после прочтения ремизовского списка «Жития протопопа Аввакума», опубликованного во враждебном всему русскому Парижу журнале «Версты».³⁰ В невыгодном сравнении с этим значительным творческим достижением ему пришлось вспомнить и о ремизовском «бунте»: «...а в „Ухвате“ — не в том дело, что „запрещают“ вам „употреблять знакомых“. А в том, Алекс<ей> Мих<айлович>, что вы переупотребили. От этого и вам и нам нехорошо делается. Никак я вас не оправдываю, хотя я не книжник и не фарисей. Пред<анный> Вам Мих. Осоргин».³¹ Собственно, и сам писатель отдавал себе отчет в том, что далеко не все редакции имели намерение ограничивать его творчество при помощи «цензурного» инструментария.³²

Этим же летом Ремизов продолжил развивать свою гипнологию. В это время в круге его чтения оказался «Восточный сонник»,³³ иллюстрированный миниатюрами в ориенталистском стиле. Рецензию на него, частично уже процитированную выше, он поместил в журнале «Воля России» скорее для того, чтобы изложить собственный взгляд на природу сновидений и символику подсознательных видений:

«Воспоминание снов увеличивает чувство жизни. Через сон человек проникает на „тот“ свет; это единственная дверка. Сны бывают ясные, яркие и смутные.

„Реальная“ жизнь ограничена и стеснена трехмерностью; принуждение проникает все часы бодрствования, во сне же, когда человек освобождается прежде всего из-под власти трехмерного пространства, впервые появляется чувство „свободы“ и сейчас же обнаруживаются чудеса „совместности“ и „одновременности“ действия, немислимые в дневном состоянии. Принуждение остается и во сне, но оно совсем другое, и, пожалуй, тягостнее нашего дневного и, главным образом, по своей неожиданности и внезапности. («Вдруг» и «сразу» — характерные признаки сонного явления).

²⁹ Книга осталась неопубликованной при жизни писателя. См. текст, подготовленный А. д'Амелия, и ее комментарии в составе Собрания сочинений: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 14. С. 243.

³⁰ О полемике вокруг журнала «Версты» и участия Ремизова в этом журнале см.: «...с Вами беда — не перевести»: письма Д. П. Святополка-Мирского к Ремизову (1922–1929) / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2003. Вып. V. С. 335–401.

³¹ Amherst. Ser. 1. B. 4. F. 6.

³² Любопытно, что в Берлине, вокруг его рукописи «Во-сне» <sic!>, составленной из абсурдистских миниатюр, даже возник, скорее всего, искусственно созданный ажиотаж, о чем упомянул в своем письме от 21 февраля 1924 года сотрудник издательства «Грани» Б. Зельдович: «Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, к нам обращались из издательств Гржебина и „Эпоха“ с просьбой передать им Вашу рукопись <...> ввиду того, что Вам, да и нам нежелательно задерживать выхода этого Вашего произведения, мы решили издать его отдельной книжкой в соответствующей изящной обложке» (Amherst. Ser. 1. B. 3. F. 15). Эти планы не осуществились так же, как и аналогичное намерение парижского издательства «Плеяда».

³³ *Orientalisches Traumbuch von Mariette Lydis.* Postdam, 1925.

Сон, и если даже он вспоминается, ослабленный дневным „причинным“ сознанием, все-таки обогащает жизнь: события сна всегда ярче и резче, а чувства глубже. Надо научиться вспоминать сны: всякое утро тотчас после пробуждения следует рассказывать себе сон, молча, и стараясь не двигаться. (Во время сна человек делает определенное количество движений, связанных со сновидением, и всякое движение вслед за пробуждением сдвигает и путает сонную сетку).

Сны сами-по-себе увлекательны, как всякое приключение; а „приключения“ — душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны — нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков к первородному, к самой пуповине бытия — так по Эвклидовой мерке, и в безвременье — по счету сонной многомерности. Наблюдение над снами имеет практическое применение: сны по своей непрерывности и связанности с бодрствованием „предсказывают“ и „открывают“ будущее». ³⁴

Вот так, не рассчитывая на поддержку, Ремизов прокладывал в эмиграции свой литературный путь. Творческая биография писателя с очевидностью доказывает, что борьба за жанр «снов» и право на автобиографическую литературу не была бессмысленной. В конечном счете сопротивление, которое не без трудностей преодолевалось в 1925–1926 годах, обеспечило ему ясную перспективу работы над будущими произведениями — автобиографическими романами «Учитель музыки» и «Мышкина дудочка», авторским сонником «Мартын Задека» и, наконец, исследованием литературных «снов» в книге «Огонь вещей», где, обращаясь к наследию Л. Н. Толстого, писатель не забыл рекомендаций, полученных от В. Ф. Булгакова.

³⁴ Воля России. 1926. № 8/9. С. 232–233. Позднее под названием «Сонник» текст рецензии занял место в неопубликованной при жизни писателя книге «Мерлог» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 14. С. 241–243, в комментариях к изданию печатный источник текста не учтен).

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-169-177

© М. Ю. Коренева

ОБ ОДНОМ ОТКЛИКЕ НА СМЕРТЬ РАЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ: «РУССКИЙ» ПОСТСКРИПТУМ

Райнер Мария Рильке уже при жизни вошел в канон немецкой литературы, довольно рано «присвоившей» себе этого австрийского поэта, стихи которого с конца 1910-х — начала 1920-х годов включались в немецкие школьные хрестоматии и обсуждались как «учебный материал» на страницах специализированных педагогических журналов.¹ С 1899 по 1925 год было опубликовано более 100 рецензий и свыше 200 статей и монографий, посвященных творчеству Рильке.² Очаровывавший своих читателей поэтическим «одиночеством», до самой своей смерти он был окружен восторженным вниманием многочисленных почитателей и почитательниц, для которых стал настоящим кумиром, что, в свою очередь, вызывало по временам раздражение

¹ Подробнее об этом см.: Fritz B. Rainer Maria Rilkes Leser in Schule und Gesellschaft: Rezeption 1904–1936. Bern, 2009.

² Первый развернутый обзор творчества Рильке был опубликован в 1904 году, а первая диссертация защищена в 1913 году в университете Фрайбурга. См.: Löwenstein S. Poetik und dichterisches Selbstverständnis: eine Einführung in Rainer Maria Rilkes frühe Dichtungen (1884–1906). Würzburg, 2004. S. 29; см. также: Ritzer W. Rainer Maria Rilke Bibliographie. Wien, 1951.